

Любовь, кого любить, как любить – эти проблемы встают перед каждым человеком. Решать их помогают опыт и этические нормы предшествующих поколений. Нам выпало жить в трудное время – на рубеже тысячелетий довольно резко была отвергнута так называемая советская мораль. В связи с этим редакция считает интересным и полезным предложить вниманию читателей серию статей историка, занимающегося исследованием развития отношений между женщинами и мужчинами в России с давних времен. Возможно, размышления над опытом предков, знание любовных практик прошлого помогут выбрать или выработать любовное поведение и нравственные ценности, соответствующие российской ментальности.

Love, whom to love, how to love are problems that each of us faces. The experience of previous generations can help to solve them. In Russia at the turn of the new millennium people cast off "Soviet morality" in a fairly abrupt manner. The editors therefore consider it useful to bring to our readers' attention a series of articles on the evolution of relations between women and men in Russia. Perhaps a knowledge of the amorous practices of the past will help in the choice or working-out of behaviour and moral values that suit the Russian mentality.

Ассамблея при Петре I. Станислав Хлебовский. 1858 год.
An assembly in the time of Peter the Great by Stanislav Khlebovsky. 1858.

«Ловласов

Екатерина ЮХНЕВА / by Yekaterina Yukhneva

“Lovelace’s
renown has faded”

обветшала слава..»

Стиль жизни французского двора (этикет, мораль, любовное поведение, моды, танцы) приняли за образец в других европейских странах, а затем и в России. Без сомнения можно сказать, что Петр I стал инициатором первой в нашем отечестве сексуальной революции. Основной особенностью было насаждение ее насильственным путем: царь решил указами заменить традиционное любовное поведение россиян на европейское, точнее — на французское.

Вызов христианским догмам

Культ романтической любви, галантное отношение к женщине существовали в Провансе начиная с XII века. В эпоху Возрождения всплеск интереса к античности привел к новому взгляду на обнаженное тело, к большей свободе в любовном поведении. Чувственность и эротизм стали ведущими мотивами искусства.

Но период «либерального» отношения к телу и сексу оказался кратковременным. Эпидемия сифилиса, которая была воспринята как

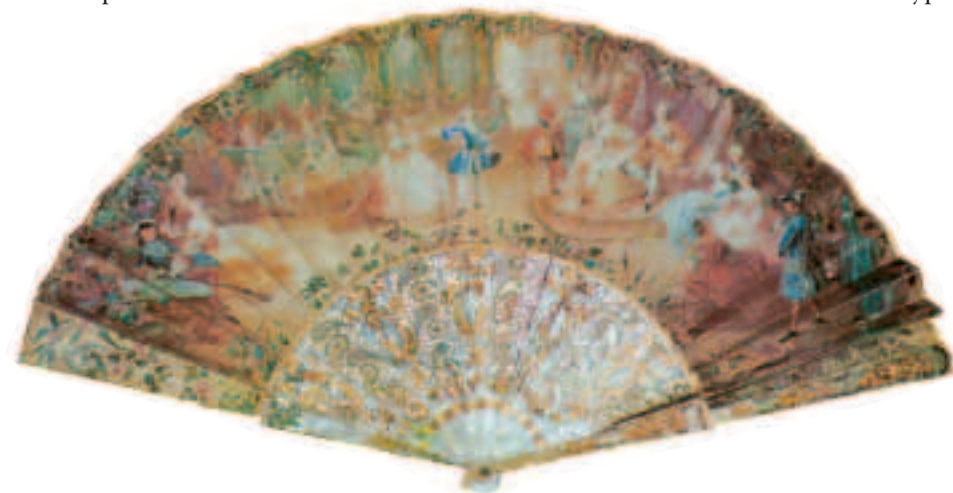
божья кара за разврат, и церковная Реформация вернули в Европу аскетизм и негативное отношение к любовным утехам. Однако нравы высшей аристократии Франции почти не изменились. Парижский двор бросил вызов христианским догмам. На протяжении полутора веков королевские фаворитки играли чрезвычайно значимую роль при дворе. При последних Людовиках внебрачные связи не только одобрялись, но стали едва ли не обязательными. Это могла быть связь кавалера с замужней дамой, которая жаждала альковных удовольствий, а брак служил лишь прикрытием ее походов. Это могла быть связь с «профессионалкой». В Париже XVII века издавались даже «путеводители», в которых указывались фешенебельные публичные дома и адреса модных куртизанок. У представительниц древнейшей профессии была своя иерархия: у подножия этой лестницы находились уличные проститутки, затем порнё (от греч. «развратница»), коротка, а на самом верху — куртизанка.

Если на нижних уровнях

Нинон де Ланкло (1616—1705). Сент-Эврмон писал: «Душа ее соткана из упоений Эпикура и добродетели Катона». Нинон называли честным человеком за то, что у нее никогда не было двух любовников в одно и то же время, хотя она так часто меняла их, что однажды не могла решить, кто отец ее сына. В тридцать четыре года она увлекла некоего Генриха Севинье, в пятьдесят шесть очаровала его сына Шарля, а еще через двадцать лет сын Шарля гордился тем, что она назвала его своим другом.

Ninon de l'Enclos (1616–1705) Saint-Evremond wrote “Her soul is woven from the raptures of Epicurus and the virtues of Cato.” Ninon had a reputation for honesty because she never had two lovers at one time, although she changed them so often that at one point she was unable to decide who was the father of her son. At the age of 34 she seduced a certain Henri Sevigny, at 56 she charmed his son Charles, and twenty years later still Charles’s son took pride in her calling him her friend.

The life style of the French court (etiquette, morals, amorous conduct, fashions and dances) was taken as a model in other European countries, and somewhat later in Russia too. It is an unarguable fact that Peter the Great acted as the initiator of a sexual revolution in his homeland. The chief distinction of this revolution was that it was imposed by force: the Tsar decided to use decrees to replace the traditional Russian patterns of love and courtship with European, or more precisely French ones.

A CHALLENGE TO CHRISTIAN TEACHINGS

The cult of romantic love, a gallant attitude to women originated in Provence in the twelfth century. In the Renaissance era the upsurge in interest in the Ancient World led to a new attitude to the body and greater freedom in sexual relations. Sensuality and eroticism became leading motifs in art.

The period of “liberal” attitudes to the body and sex was, however, short-lived. An epidemic of syphilis, that was taken as God’s punishment for debauchery, and the Reformation in the Church restored a negative attitude to the pleasures of the flesh in Europe. The morals of the upper echelons of French society barely changed, though. The Parisian court hurled down a challenge to Christian teachings. Under the last of the Louis, extramarital relations were not only approved, but became almost compulsory. In seventeenth century Paris “guidebooks” were published that listed fashionable brothels and the addresses of the leading courtesans. The exponents of the world’s oldest profession had their own hierarchy: at the bottom of the ladder were the street-walkers, then came the *porneux* (from the Greek *pornē*—“harlot”), the *cocottes* and, at the very top, the courtesans, who themselves

Поцелуй украдкой. 1760-е годы. Ученик Буше, последний большой живописец предреволюционной Франции Жан Оноре Фрагонар изобразил любовную сцену. На заднем плане видна приоткрытая дверь в гостиную, полную людей. Опасность быть застигнутыми придает особую остроту чувствам влюбленных.

A Stolen Kiss. 1760s. Jean-Honoré Fragonard, a pupil of Boucher and the last great painter of pre-revolutionary France, here depicted an alcove scene. In the background we see the half-open door to a drawing-room full of guests. The risk of being caught gives a special frisson to the lovers’ feelings.

95

Капризница. 1718 год. Антуан Ватто, самый модный французский художник начала XVIII века, запечатлел на этом холсте кокетливую даму, с напускным презрением глядящую на разлегшегося рядом кавалера. Легкую влюбленность, хрупкие изменчивые чувства художник передал с налетом романтической мечтательности и пресыщенности.

The Capricious Woman. 1718. In this painting Antoine Watteau, the most fashionable French artist of the early 18th century, depicted a coquettish woman looking with feigned disdain at a suitor who has stretched himself out next to her. The artist conveyed mild infatuation, fragile changeable feelings, with a touch of romantic reverie and ennui.

chose their lovers on the basis of physical attraction and took the art of sensual love to heights of perfection. Ninon de l’Enclos, who lived in Paris in the seventeenth century was considered by contemporaries to be “a complete collection of human perfections” and “our lady of amorous passion”. Aristocratic women brought their daughters to her to obtain advice and skills in the art of love. Ninon gave instruction free of charge to brides, but she put a high price on her lessons for gentlemen. This courtesan couched her advice in the form of aphorisms that the gentlemen carefully wrote down: “To love properly requires a hundred times more intelligence than commanding an army” or “Love without refinements is the same as a hook without bait. Do not hope that a woman who knows her worth will swallow it and excuse

жрицы любви просто зарабатывали деньги, то куртизанка сама выбирала партнера на основе чувственного влечения и доводила до совершенства любовное искусство. Например, мадемуазель Нинон де Ланкло, прожившая почти девяносто лет в Париже XVII века, считалась современниками «полным собранием человеческих совершенств» и «богоматерью любовной страсти». К ней аристократки привозили своих дочерей, чтобы те получили советы и навыки любовной игры. Занятия с невестами Нинон проводила бесплатно, а кавалеров учила за большие деньги. Свои советы куртизанка облекала в форму афоризмов, которые кавалеры тщательно записывали: «Для того, чтобы правильно любить, нужно в сто раз больше ума, чем для того, чтобы командовать армией» или «Любовь без изящества — то же самое, что крючок без наживки. Не надейтесь, что знающая себе цену женщина заглотит его, простив неумение и неопытность». Самым одаренным ученикам куртизанка устраивала «практические занятия» по предмету.

ИЗ ТЕРЕМА — НА АССАМБЛЕЮ!

Петр I, будучи в Европе, был очарован блестящей жизнью французского двора, и в частности свободой любовных отношений. Он решил скопировать внешние проявления любовного поведения, пред-

полагая, что это повлечет за собой и внутренние изменения. Собственно, план Петра был прост: вывести женщину-дворянку из затворничества в тереме на публичную ассамблею, где она должна не просто присутствовать, а достаточно активно действовать — разговаривать, кокетничать, танцевать. Так царь хотел наладить непринужденное, как во Франции, общение мужчин и женщин, в результате которого должно было появиться взаимное чувство симпатии, влечение, завершившееся браком. Он обещал жестоко карать родителей, принуждающих детей вступать в брак не по взаимному влечению. Впрочем, брачный финал не считался обязательным — отсюда серия указов о внебрачных детях.

Свобода нравов демонстрировалась и на личном примере — сам царь открыто жил со своей любовницей, имел от нее детей. Попирая все законы, он взял факти-

*Среди фавориток французского короля была своеобразная иерархия. На втором месте после королевы стояла *maîtresse en titre*, а ниже — фаворитки, которые овладевали сердцем монарха ненадолго.*

*The French King's favourite had a hierarchy of their own. Next after the Queen came the *Maîtresse en titre*, below her the ladies who captured the monarch's heart only briefly.*

Фамильярность герцогини Бургундской с королем. Хромолитография Мориса Лелуара из издания Г. Тудуза и М. Лелуара «Король-Солнце». Париж. 1908 год.

The Duchess of Burgundy's Familiarity with the King. Chromolithograph by Maurice Leloir from the publication *Le Roi Soleil* by Leloir and Gustave Toudouze, Paris, 1908.

clumsiness and inexperience.” For her most talented pupils Ninon arranged “practical lessons” in the subject.

OUT OF THE TEREM AND INTO THE ASSEMBLY!

When he visited Europe, Peter the Great was charmed by the glamorous life of the French court, and by its free attitude to sexual relationships in particular. He decided to copy the outward manifestations of behaviour in the hope that this would bring inner changes in its wake. Peter's plan was simple: to bring Russia's noblewomen out of isolation in the *terem* (the upper part of a rich dwelling) and into public social gatherings — the “assemblies” that he initiated — where they were expected not simply to be present, but to converse, dance and flirt. That is how the Tsar hoped to introduce free and easy contact between men and women as in France, the result of which was supposed to be mutual attraction that would end in marriages. He promised harsh punishments for parents who forced their children into marriages to which they did not consent. He did not consider marriage vows essential, though, and issued a number of decrees about illegitimate children.

The Tsar also demonstrated the new relaxed morality through personal example, living openly with his mistress and having children with her. That is the model of sexual conduct that Peter offered Russia. His contemporaries found nothing attractive in it.

Both men and women were embarrassed by their new appearance in European-style clothing. The men felt humiliated in short jackets and breeches that barely covered their knees with their legs in hose. Before Peter's time only the common people had worn short clothing, while in aristocratic families it was the mark of adolescents. Russian women of the early eighteenth century felt themselves utterly disgraced in dresses that pinched their waists and left their shoulders and arms bare, especially when their heads were uncovered as well! A noble lady was expected to cover even

чески неразведенную женщину в жены, а впоследствии даже сделал ее императрицей. Вот такая схематично очерченная модель любовного поведения была предложена Петром I России. Привлекательного ничего в ней современники не видели, нововведение воспринималось как позорное, опасное и греховное.

Как женщин, так и мужчин смущал их новый внешний вид по европейской моде. Мужчины в коротких камзолах, в панталонах, чуть прикрывающих колени, и в обтягивающих ноги чулках чувствовали себя униженно. Ведь в коротких одеждах в допетровское время ходили простолюдины, а в аристократических семьях — только отроки. Совершенно опозоренной чувствовала себя россиянка начала XVIII века в обтягивающем талию и обнажающем плечи платье с короткими рукавами, да еще с непокрытой головой! Ведь даже лицо знатная женщина при посторонних должна была прикрывать. Но кроме стыда было чувство греха от участия в бесовских играх и страх перед нечистой силой: женщина ощущала себя беззащитной без вышивок-оберегов по краям одежды, без наглухо закрытого горла и с непокрытыми волосами, чрезвычайно уязвимыми для всякой нечисти. Реальность угрозы нечистой силы здоровью, а то и самой жизни ощущалась людьми в XVIII веке так же, как нами — опасность от вирусов.

her face in the presence of strangers. Besides shame, there was also fear of the supernatural: women felt defenceless without the amulets sewn into the hems of their clothing, without a tightly covered throat and with uncovered hair that was exceptionally vulnerable to all kind of devilry. For people at the turn of the eighteenth century the threat of black magic to one's health and even one's life was as real as the danger from viruses is to us today.

THE EIGHTEENTH-CENTURY LANGUAGE OF COURTSHIP

The spread of new attitudes was greatly furthered by literature and the arts in general. Sculptural copies from ancient originals cultivated admiration for physical beauty. Paintings and the stage presented love scenes. Russians learnt courtesy and consideration in their sexual relationships through reading, first foreign literature and then Russian literature too.

Like the characters they found in books, Russians stopped being embarrassed to express intimate emotions in letters. Examples of how to write love letters could be found in special letter-writing manuals, the most popular of which was Nikolai Kurganov's, first pub-

«Езда в остров любви»

В распространении новых любовных отношений большую роль сыграли литература и искусство в целом. В скульптурных копиях с античных оригиналов культивировалось любование красотой тела. В живописи и на театральных подмостках демонстрировались амурные сцены. Любезности и учтивости в любовном общении россияне учились, читая сначала зарубежную литературу, а потом и отечественную. Например, В. К. Тредиакowski в поэме «Езда в остров любви» изображал женщин, подвергающих своих избранников «сладкой тирании любви», заставляющих объясняться с возлюбленными «встав на коленки».

Подобно литературным героям, россияне перестали стесняться выражать интимные переживания в письмах. Например, Петр I из Амстердама писал своему «другу сердешенькому», «лапушке», «Катеринушке»: «Если б я был, то б нонова шишеньку (так в семействе Петра называли ребеночка. — Е. Ю.) сделали — дай Бог, чтобы пророчество сбылось!» Образцы написания «галантных» писем можно было найти в специальных пособиях — наиболее распространенным был «Письмовник» Н. Курганова, вышедший в 1769 году и впоследствии неоднократно переиздававшийся.

Любовные записочки передавали при помощи табакерок, которые поэтому

lished in 1769 and reprinted several times.

Billets-doux were handed over with the aid of snuffboxes that were known as “little sledges of love” on that account. In the eighteenth century both men and women used snuffboxes. While treating each other to a pinch of tobacco, the ladies and gentlemen could pass on little notes as well. At a ball the ladies could also convey their intentions with the help of beauty spots — small circles of taffeta or velvet that imitated facial moles. A spot near the eye, for example, meant “I am interested in you”, one on the upper lip “I long to kiss.” A lady would carry a fan, known in those days as “modesty's screen” or “a woman's sceptre”, and she could use it to say much without words. Slowly opening the fan in the direction of one's conversation partner, for example, indicated readiness to hear a declaration of love. Movements of the fan were a sort of semaphore: a woman could arrange a tryst, precisely indicating the place and time (by the direction of the fan and the number of sections on display). By bringing a closed fan up to the left corner of her mouth, a lady begged for silence; if the fan crossed her mouth in the middle, however, it was not a request but a

Дама как объект поклонения, «чувствительность и страсть» стали основными темами множества произведений безымянных российских авторов XVIII века.

The noble lady as an object of adoration, “sentimentality and passion” became the main themes of a host of works by anonymous Russian authors of the 18th century.

Портрет Сарры Фермор. 1750 год. Художник Иван Вишняков запечатлел свою юную модель в парчовом платье с фижмами, с кокетливо откинутой рукой, держащей веер. Но скованность в поведении юной россиянки еще ощущается...
Portrait of Sarah Fermore. 1750. The artist Ivan Vishniakov recorded his young model in a brocade dress with a hoop skirt, her hand flourishing a fan in a coquettish gesture. But one still senses constraint in the young girl's behaviour.

Автопортрет с женой. 1729 год. Один из первых петровских художников-пенсionеров, обучавшихся в Европе, Андрей Матвеев отобразил чувства влюбленных россиян. Посмотрите, как доверчиво легла левая рука молодой женщины на руку художника. Правую руку она прижимает к груди, это выражает ее глубокую любовь. Муж изящно приобнял за плечи свою супругу — жест невозможный в допетровскую эпоху. Однако в позах и жестах чересчур много театральности, заимствованной из Европы.
Self-Portrait with the Artist's Wife. 1729. One of the earliest of Peter the Great's “pensioners” sent to study art abroad, Andrei Matveyev was the first to depict the feelings of Russians in love. Look how trustingly the young woman has placed her left hand in the artist's. Her right hand is pressed to her breast, expressing the depth of her love. Her husband daintily embraces his wife's shoulders — a gesture impossible before Peter the Great's time. There is, however, too much theatricality, picked up in Europe, in the poses and gestures.

Бокал лимонада. 1650-е годы. Герард Терборх изобразил отнюдь не жанровую сцену. Зная условный язык светского общества, мы понимаем, что, принимая бокал из рук кавалера, эта элегантная светская дама дает согласие на интимные отношения. Об этом же красноречиво говорят их взгляды.

The Glass of Lemonade. 1650s. Gerard Ter Borch's painting is far from an innocent genre scene. A knowledge of the conventions of society at the time tells us that by accepting the glass from a gentleman's hand the elegant young lady expresses her consent to intimate relations. Their gazes eloquently convey the same idea.

На двойных крышках немецких табакерок 1760-х годов изображались весьма откровенные сцены.
The double lids of German snuffboxes from the 1760s conceal highly explicit scenes.

называли «кибиточками любви». Табакерками в XVIII веке пользовались как мужчины, так и женщины. Угощая друга нюхательным табаком, что было принято, дамы и кавалеры могли одновременно передавать послания. На балу дамы о своих намерениях сообщали и при помощи мушек — кружочков из тафты или из бархата, имитирующих родинки. Например, мушка около глаза означала: «Я вами интересуюсь», мушка на верхней губе: «Я хочу целоваться». В руках у дамы был веер, называвшийся тогда «ширмой стыдливости» и «скипетром женщины», при помощи которого она без слов могла многое сказать. Например, медленно раскрывающийся веер в направлении собеседника свидетельствовал о готовности выслушать признание. Игра веером была своеобразной

demand. By abruptly closing her fan a lady gave warning of some threatening danger, while touching an admirer's hand with it was an invitation to press his suit more boldly. The combination of beauty spots and fan created a whole “language of flirtation”.

An invariable attribute of a lady of that time was a stick about eight inches long made of ivory or precious metals and richly ornamented that she would use to scratch her head, so as to relieve the itching caused by lice without spoiling her tall, elaborate coiffure. There

азбукой Морзе: женщина могла назначить свидание с точным указанием места и времени (это обозначалось количеством открытых веерных пластин и направлением веера). Поднеся сложенный веер к левому уголку рта, дама молила о молчании, если же веер пересекал рот посередине, то это уже была не просьба, а требование. Резко сложив веер, женщина предупреждала о грозящей опасности, а дотронувшись веером до руки кавалера, поощряла к более смелым действиям. Комбинации мушек и игры веера создавали своеобразный «язык кокетства».

Обязательной принадлежностью дам на балах были палочки длиной около 20 сантиметров из кости или драгоценных металлов, богато орнаментированные, которыми чесали голову, чтобы унять зуд от вшей, но не испортить высокую, затейливую прическу. Даже такому прозаическому занятию придавали эротическое значение. Существовало множество способов чесания в голове, каждый из которых воспринимался так же значимо, как и игра веером.

Особым украшением женщин были блохоловки, которые дамы носили как кулон. Обычно они представляли собой полый цилиндр, куда вкладывался намоченный кровью маленький лоскуток. Блохи, привлеченные запахом крови,

were many ways of scratching one's head, each of which was as significant as the gestures with the fan.

A particular form of personal adornment were the flea-traps that ladies wore as pendants. They usually took the form of a hollow cylinder into which a little scrap of material soaked in blood was put. Fleas would be attracted by the smell of blood and crawl inside. When she got back from the ball, the lady would remove the flea-trap and lower it into a glass of water. In the morning she opened the lid and tipped out the drowned parasites.

THE WAYS OF MONKEYS IN THE GOOD OLD DAYS

Outwardly the amorous behaviour of eighteenth-century Russians was given a European lustre, but the relationships themselves were not so refined — coarse coquetry, primitive flirtation. Prince Mikhail Shcherbatov, a strict judge of morals, wrote: “we can point to the start of this time when wives began to leave their husbands. Ivan Buturlin had a wife, Anna Semionovna. Stepan Fiodorovich Ushakov and she fell in love and she left her husband and married her lover. Having publicly

Развалины террасы в парке. 1780-е годы. Даже в пейзажах игривый XVIII век не мог обойтись без эротического элемента. В центре картины Гюбера Робера — обнимающаяся пара, за которой с интересом наблюдают три девушки.

The Ruins of a Terrace in a Park. 1780s. Even in landscapes, the playful 18th century could not do without some erotic element. In the centre of this work by Hubert Robert is an embracing couple, being watched with interest by three girls.

Затруднительное предложение. 1715 год. Антуан Ватто прославился созданием серии полотен, изображающих кокетничающих светских дам и кавалеров. Современники дали этим картинам название «Галантные празднества».

An Embarrassing Proposal. 1715. Antoine Watteau was famed for producing series of paintings depicting coquettish society ladies and cavaliers. Contemporaries gave such pictures the name “fête galante”.

вползали в него через особой формы дырочки, что не позволяло насекомым выйти обратно. Вернувшись с бала, дама снимала блохоловку и опускала ее в стаканчик с водой, а утром откручивала колпачок и высыпала утопленниц. Дама могла доверить это возлюбленному, чтобы подчеркнуть свою любовь, так как подобные манипуляции с блохоловкой показывали большую близость.

«ЗАБАВЫ СТАРЫХ ОБЕЗЬЯН»

Внешне на любовное поведение россиян XVIII века был нанесен европейский глянец, но сами отношения были не столь изящны — грубое кокетство, примитивный флирт, демонстративный фаворитизм. Строгий судья нравов князь М. М. Щербатов писал: «...можем положить сие время началом, в которое жены начали покидать своих мужей. Иван Бутурлин имел жену Анну Семеновну; с ней слюбился Степан Федорович Ушаков, и она, отошед от мужа своего, вышла за своего любовника, и, публично содеяв любодейственный и противный церкви сей брак, жили».

А как чувствовала себя россиянка XVIII века? Заглянем, например, в мему-

ары Анны Лабзиной, по первому браку — Карамышевой, которую выдали замуж в 1771 году тринадцати лет от роду. Супруг, образованный человек, ученик Карла Линнея, долгое время проживший в Европе, делал ее свидетельницей любовных сцен между ним и его любовницами. Затем, когда Анна повзрослела, он предлагал ей завести любовника и сам хотел его выбрать. «...Сколько я ему ни говорила, что неужто я не могу усладить его жизни и разве ему приятнее быть с чужими, — он отвечал: „Разве ты думаешь, что я могу тебя променять на тех девок, о которых ты говоришь? Ты всегда моя жена и друг, а это — только для препровождения времени и для удовольствия”».

Как тут не вспомнить пушкинского «Евгения Онегина»:

*Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблучков
И величавых париков.*

Так грубо, но справедливо оценивали сексуальные отношения россиян XVIII века потомки. ■

him whether I might not bring him enjoyment and whether it was really more pleasant to go with others, he replied: ‘Do you really think that I could change you for those strumpets you speak of? You are always my wife and friend, and that is only to pass the time and for enjoyment.’

That inevitably calls to mind some lines from Pushkin's *Eugene Onegin*:

There was a period when cold-blooded debauchery was praised, and studied as love's technique, when it would blare its own perfection everywhere, and heartless pleasure was up-graded; yes, these were our forefathers' ways, those monkeys of the good old days: now Lovelace's renown has faded as scarlet heels have lost their name and stately periwigs, their fame.

(Translation by Charles H. Johnston)

That was the harsh, but just assessment that posterity gave to sexual relations in eighteenth-century Russia. ■

Пастораль. 1750 год. Радость жизни царит на полотнах Франсуа Буше. Классическая сцена: нарядный кавалер соблазняет пастушку. Здесь все слишком красиво: яркие краски, декоративные детали, вычурные позы и несколько театральное объяснение в любви.

Pastoral Scene. 1750. *Joie de vivre* reigns in François Boucher's paintings. In this classic scene an elegant cavalier seduces a shepherdess. Everything here is too beautiful: the bright colours, the decorative details, the affected poses and the somewhat theatrical declaration of love.

entered upon this licentious and unchurchly union they lived together”.

And how did a Russian woman feel in the eighteenth century? Let us take a look, for example, into the memoirs of Anna Labzina, Karamysheva as she became by her first marriage, which took place in 1771, when the bride was just 13. Her husband, an educated man, a pupil of the great botanist Carolus Linnaeus who had lived for a long time in Europe, had her witness him making love to his mistresses. Then when Anna grew older, he suggested she take a lover and wanted to choose himself who it should be. “However much I ask